

ТАКОГО СВЕТА В МИРЕ НЕ БЫЛО
ДО ПОЯВЛЕНИЯ N

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

ОКСАНА
ВАСЯКИНА

•
ТАКОГО СВЕТА В МИРЕ НЕ БЫЛО
ДО ПОЯВЛЕНИЯ N

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА • 2025

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
В20

Редактор серии — Д. Ларионов

Васякина, О.

В20 Такого света в мире не было до появления N: Рассказы / Оксана Васякина. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 144 с.

ISBN 978-5-4448-2679-9

«Я замороженно слушала О. На фоне ее густой, наполненной страстями жизни моя собственная казалась безликой. Мне хотелось хотя бы по касательной быть причастной к буре, в которой О. пребывала ежесекундно». Новую книгу Оксаны Васякиной составили 11 рассказов о женщинах: в каждой из этих историй, разворачивающихся в нулевых и десятых, героини дрейфуют по съемным квартирам, индийским гостиницам, комнатам в центре Москвы и не боятся рисковать. Рассказчица наблюдает за тем, как их судьбы раз за разом подвисают на волоске; иногда она вмешивается в ход событий, но всегда остается немного в стороне. За этой «устраненностью» повествовательницы — напряженный поиск источника и природы собственных одиночества и заброшенности. Оксана Васякина — писательница, лауреатка премий «Лицей» (2019) и «НОС» (2021).

В книге используется ненормативная лексика.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В оформлении обложки использован фрагмент иллюстрации к альманаху «Бельгийские музы». Ис. Ювенель по эскизу Э. Вербукховена, 1827. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

© О. Васякина, 2025

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2025

© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

Оглавление

Бьет свет	7
Маритоцци	13
Она	20
Без вождения, без чувства собственности, без эгоизма	23
Это необходимо для соблюдения границ	39
Вечное сияние	54
Wheel of Fortune	65
Жизнь Вики	74
И вот скучаем, втиснутые в грязь	90
Смерть Незнакомой женщины	102
Верка	115
Мне осталось двадцать девять книг	128

Вечное сияние

У нее было обыкновенное имя, у него имя тоже было обыкновенное. Только в конце его обыкновенного имени держалась буква *c*, как запятая перед союзом *но*. Его я не видела ни разу, на нее смотрела каждый день. Они познакомились на сайте *Loveplanet*. Она сказала, что глаза у него синие, а кожа смуглая, она сказала: мы как брат и сестра, но спим вместе.

Девушка с обыкновенным именем несколько недель сидела на *Loveplanet* и смотрела профили мужчин, листала их фотки и ставила звездочки. С первым мужчиной она встретилась в университетском сквере. На фотографии он был стройным, а на деле расплывшимся, и ей не понравилась его влажная ладошка, которой он потрогал ее за предплечье. Со вторым она встретилась в баре на Ленина. Когда она пришла, он уже был пьяный. Потом был еще какой-то парень. Она ждала его в кафе, он опоздал на полчаса, куртку не снял, подошел и попросил ее выйти из-за стола. Она удивилась, но вышла. Он с безразличием осмотрел ее и молча ушел. Были и другие свидания, но о них девушка с обыкновенным именем мне не рассказывала.

Когда мужчина с запятой поставил пять звезд под ее фотографией, она сразу ему написала. Потому что он, подобно ей, был похож на сиамского кота. В тот же день она приехала к нему в гостиницу «Столичная», и они договорились встречаться два раза в неделю. После седьмой встречи мужчина с запятой пропал, и девушка с обыкновенным именем сказала, что не может без него жить.

Когда жалеешь себя за собственное одиночество, другим предлагаешь холостую дружбу, так часто бывает. Девушка с обыкновенным именем приходила в мою кофейню каждый день. Ее знали уборщицы, официантки, к ней поболтать подходил управляющий, они беседовали о сортах кофе, он сетовал на поломку посудомоечной машины, она — на преподавателя социологии. На подготовительных курсах бариста нам говорили, что кофейня — наш дом, коллеги — семья, наша жизнь — кофе, а люди, приходящие его выпить, — гости. Я восприняла эту риторику буквально и, выспавшись после двух восемнадцатичасовых смен, возвращалась — выпить кофе с постоянниками и поболтать с бариста из параллельной смены. Я заходила в зал для курящих и садилась напротив девушки с обыкновенным именем. После наших посиделок барная стойка вся была усыпана хлопьями пепла, мы курили одну за одной. Со временем девушка с обыкновенным именем стала моей подругой. О чем мы говорили тогда? Силюсь вспомнить, и ничего на ум не приходит. Коллеги, погода, свежесть обжарки, маленькие ложки, которых всегда не хватает, чистые пепельницы.

Недавно я видела девушку с обыкновенным именем в подземном переходе на Тверской. Мне хотелось обратиться к ней, назвать ее обыкновенное имя. Но я растревожилась и не стала. Просто отступила влево, чтобы не оказаться в дыму ее неповоротливого взгляда.

Она прошла мимо, а я посчитала, сколько лет назад мы виделись в последний раз. Пятнадцать. Пятнадцать лет назад мы жили в одной квартире.

Моя смена заканчивалась, я начистила морковь, доложила в контейнер мороженое, из официантских стаканчиков забрала свои чаевые. Когда пришел второй бариста, сняла фартук и попросила приготовить мне американо. С чашкой и пачкой сигарет я вышла в зал для курящих. Там за барной стойкой сидела девушка с обыкновенным именем и курила синий Pall Mall.

Она сказала, что ей негде жить. Утром, когда она вернулась из «Столичной», ее пропуск был аннулирован, а в холле у поста охранника стояли два черных мусорных пакета, в них вперемешку с учебниками по экономике лежали ее атласные сорочки и пустые пачки от сигарет.

Мне тоже было негде жить. Мой коллега, с которым мы снимали квартиру, хотел, чтобы его девушка переехала к нему. Сказал, что вторая комната нужна им под кабинет. Я сделала вид, что поверила, но знала, что вторая комната нужна не под кабинет. Она им нужна без меня, потому что они любят друг друга. Сосед платил мою часть аренды, пока я искала новое жилье, мне было не по себе от того, что я живу за чей-то счет. Факт, что сосед выпроваживает меня из квартиры, не казался мне весомым. Когда я возвращалась с работы, он выходил ко мне в коридор и спрашивал, как идут поиски. Я отвечала честно: вариантов за семь тысяч рублей нет, а больше я платить не могу, и добавляла, что в крайнем случае я могу ночевать на диване в своей кофейне.

Девушка с обыкновенным именем уволилась с работы. Она сказала: если бы работала, не могла бы все

время быть готовой к нему поехать. На прошлой неделе он снял номер, у меня была смена, никто не захотел меня подменить. Он ждал, а когда я приехала, уже расхотел. В итоге мы напились, утром я встала, весь рот от вина синий, тушь потекла. Он это все увидел и сказал, что я отвратительная. Я после этого ему писала каждый день, а он не отвечал.

Пока девушка с обыкновенным именем сидела в деканате и ждала аттестат, я сняла нам квартиру на Заельцовской. Первую попавшуюся. Я шла по паласу, прибитому гвоздиками к линолеуму, агентка наваливалась на меня плечом и ярко жестикулировала. Потом в квартиру вошла пожилая женщина в мутоновой шубе, агентка сказала: вот ваша хозяйка, жмите руки, а мне заплатите комиссию. Я не знала, как сказать, что не хочешь жить там, где тебе предлагают жить, поэтому подписала договор и отдала агентке две тысячи.

Потом я узнала, что заплатила дороже рынка — первый этаж, без балкона, до метро «Заельцовская» двадцать пять минут. Отец девушки с обыкновенным именем дал ей денег на первое время. Их бы хватило на квартиру ближе к метро и без соседки. Но она купила абонемент в фитнес-клуб, потому что мужчина с запятой однажды обмолвился, что у нее дряблые ляжки.

Первую неделю, как это бывает у одиноких людей, мы наслаждались компанией друг друга. Мы смеялись над шифоньером, в который девушка с обыкновенным именем положила белье. Только она повернула ключик, шифоньер покосился и лег. Мы вынесли его на помойку. Чтобы решить, кто будет спать в яме раскладного дивана, мы сыграли в «камень, ножницы, бумага». Я ей подыграла, потому что не могла допустить, чтобы кому-то рядом было неудобнее, чем мне. В таких случаях я испытывала неловкость и вину. Неловкость

и вина были невыносимы. А злость и чувство превосходства над беспечностью тех, кому было удобно мне в ущерб, приносили душное удовольствие.

Она надевала бархатный ободок, приносила в комнату таз и полоскала свое белье. Света в ванной не было, стиральной машины не было тоже. Я собирала нашу одежду и тайком стирала ее на работе. Перед сном мы заходили в группу «Кино без границ» и выбирали фильм: «Титаник», «Призрак», «Красотку».

К концу второй недели сожителства мы начали смотреть «Вечное сияние чистого разума». Джим Керри в роли Джоэла Бэриша, Кейт Уинслет в роли Клементины, техник Патрик — Элайджа Вуд, секретарша Мэри — Кирстен Данст. Чтобы забыть Клементину, Джоэл обращается к доктору, который разработал машину для стирания памяти. Тот объясняет: нужно собрать все вещи, связанные с Клементиной; пользуясь этими материалами, техники уничтожат его воспоминания; утром Джим Керри проснется в своей постели, его будет ждать новая жизнь. И вот Керри приносит два мусорных пакета с хламом Клементины, а Кирстен Данст за стойкой ресепшен ему улыбается. Дальше должны были появиться китайский фастфуд, полосатая пижама, футуристическая каска на голове спящего Керри и, конечно, вызывавшие у меня отвращение обгрызенные ногти Элайджи Вуда. Но это все осталось где-то там, впереди, потому что на затылке Керри застыло колечко загрузки, бегунок проигрывателя стоял на границе голубой и серой линии. Так часто бывало, просто нужно было подождать, пока фильм загрузится. Я нажала на пробел и предложила покурить. Девушка с обыкновенным именем уже спала.

Когда я увидела ее в переходе спустя пятнадцать лет, то снова удивилась непроницаемости ее лица. Так было и тогда, на Заельцовской. В квартире свет всегда был

включен, на окнах стояли решетки, они были как рыба чешуя. Я приходила с работы, приносила еду, сигареты и пару бутылок пива. Девушка с обыкновенным именем сидела на кухне за своим компьютером и ждала, когда под синей лентой мессенджера загорится сообщение от мужчины с запятой. Мое присутствие ее не волновало. Когда я приходила, ставила пакет на стол и разбирала покупки, она, выпуская дым, смотрела в экран. Потом на мое предложение выпить пива девушка с обыкновенным именем кивала и протягивала руку, чтобы я вложила в ее ладонь прохладную бутылку. Ее она откупоривала зажигалкой Cricket.

Она курила синий Pall Mall, я курила что-то другое. Но было совсем не важно, что я курила, пила и думала. Единственное, что было важно, это девушка с обыкновенным именем и ее безответная любовь.

На Заельцовской было темно и воняло подвалом. Как только агентка вышла из квартиры, лампочка в ванной перегорела. Я не бывала в хозяйственном магазине, пиво покупала в киоске у метро. Девушка с обыкновенным именем из дома ходила на фитнес и в «Столичную». На работе, пока управляющий не видел, я пробралась в его каморку и в ящике с бытовыми принадлежностями взяла лампочку 40 ватт. Забравшись на унитаз, я вкрутила ее в болтающийся цоколь, свет загорелся, и я увидела ванную — черная плесень, патлы штукатурки, точки тараканьего дерьма.

Потом настала весна и пошел дождь. Он облизывал сугробы, и они превращались в наледи. Сквозь трещину в полу поднимался жаркий пар из подвала. Дождь шел долго, влага копилась под масляной краской, и к апрелю над ванной набухли бледные пузыри. Девушка с обыкновенным именем сказала, что рада этим пузырям. Сфотографировала их на цифровой фотоаппарат, перекинула снимок на компьютер и отправила

мужчине с запятой. Надеюсь, что он приедет помочь или предложит мыться у него. Но тот ничего не ответил. Тогда на своем ноутбуке она включила «Весну» Дельфина, поставила ее на репит и закурила.

Вот уже неделю девушка с обыкновенным именем слушала «Весну». Я перестала отличать эту песню от шума в собственной голове. «Весна» начинала играть сизым утром и затихала, когда мы ложились спать. С пузырей в ванной капал конденсат, я ставила таз, несколько банок и уходила на работу.

Когда в один из таких дней я вернулась со смены, на полу ванной стояла белесая вода, пузырь прорвало. Я подумала: хорошо, что мы на первом этаже, никого не можем затопить, и позвонила хозяйке. Та сказала, что ничем не может помочь, раньше все по дому делал ее муж, но он месяц назад умер, и посоветовала звонить в коммунальную службу. Я позвонила, пришел некрасивый мужчина, он сказал, что в прорыве пузырей нет ничьей вины, разбирайтесь сами, и добавил: зато больше не прорвет, прорываться нечему.

Захотелось послушать Linkin Park. Я вышла на кухню и попросила включить Numb. Девушка с обыкновенным именем, не глядя на меня, вбила в VK название песни.

Воды было по щиколотку, она воняла. Под Numb я собирала ее своей старой футболкой, в пакет из продуктового сбрасывала куски шпаклевки. Вантуза не было, и когда в ржавой трубе встал комок из волос, чтобы пробить засор, я делала вакуум ладонью и изо всех сил давила на сливное отверстие. Это, конечно, было бесполезно. Девушка с обыкновенным именем вошла в ванную, посмотрела на муть, в которой я елозила руками, и сказала, что написал мужчина с запятой, ей нужно помыться. Я ответила, что следует подождать, когда я закончу выгребать воду и наведу порядок. Но она не могла ждать. Тогда я принесла с кухни табурет и поставила его в ванную,

она разделась и забралась на него с ногами. Сидя на корточках, девушка с обыкновенным именем поливала себя из душа, пенная вода стекала в вонючую жижу. Я стояла в дверях и просила не брызгать на пол, она, глядя перед собой, тщательно мылила ступни и ляжки.

По ночам, когда девушка с обыкновенным именем уходила к мужчине с запятой, я спала под одеялом, которое она привезла от родителей. Под ним она хранила атласные шорты и сорочку. Я аккуратно перекладывала их на подоконник и ложилась на ее половину дивана. В такие ночи мне не хотелось спать. Отсутствие стеснения меня пугало. И, лежа под пуховым одеялом, я писала эсэмэски всем подряд. Чаще всего мне не отвечали, и в темноте я гадала, когда вернется девушка с обыкновенным именем. Мне хотелось ее обо всем расспросить. Хотелось, чтобы она плакала. Хотелось, чтобы она жаловалась, что во время встречи не заметила намеков на привязанность мужчины с запятой.

Она называла его имя, и там, где держалась запятая, долго шипела, как змея. Ее сиамские глаза смотрели сквозь меня. Я знала, о чем она думает. Потому что она, глядя в немое окошко мессенджера, все вечера говорила о мужчине с запятой. Она думала только о нем. Она спрашивала меня, когда же он, наконец, напишет. Когда он писал, она спрашивала меня, предложит ли он серьезные отношения. Она задавала эти вопросы, и мне было не по себе. Словно я была ответственна за решения мужчины с запятой и не справлялась со своими обязанностями. Я утешала девушку с обыкновенным именем и совсем не хотела, чтобы он предложил ей встречаться. Я говорила одно и то же: нужно еще немного подождать, нужно самой пропасть, нужно поговорить напрямую. Каждый вариант исключал предыдущий, но это было совершенно не важно.